

Нетрудно представить себе, с каким вниманием изучают сейчас советские люди текст Сообщения Центрального Статистического Управления при Совете Министров СССР об итогах выполнения государственного плана развития народного хозяйства Советского Союза на 1955 год...

А так как эти статистические данные о том, что сделано за первое полугодие, опубликованы почти вслепую, через несколько дней за опубликованием Постановлений ЦК КПСС и Президиума ЦК КПСС о том, что нам надо сделать в ближайшее время...

В этих словах нет никакого преувеличения: ведь каждый советский человек занимает свое определенное место в общей борьбе за выполнение государственного плана развития народного хозяйства. Есть тут и нечего думать и что решать и металлургу, и угольщику, и нефтянику, и строителю, и энергетика, и колхознику — любому советскому человеку любой профессии!

С удовлетворением читаем мы о том, что план первого полугодия по производству валовой продукции выполнен в целом по промышленности на 103 процента, причем в первую очередь обеспечен дальнейший подъем тяжелой промышленности — основы развития нашего хозяйства. Если же сравним выпуск валовой продукции всей промышленности СССР за это полугодие с соответствующим периодом прошлого года, то увидим, что продукция мы дали на 12 процентов больше.

Темпы роста набравшим мы уверенно и круто. Но не все одинаково набирают эти темпы. Отрасли советских людей работники легкой промышленности и, кстати сказать, зависящие от них работники бумажной и деревообрабатывающей промышленности, в отличие от всех не выполняющие план. Над многими приходится задумываться и угольщикам, которые перевыполнили план всего на два десятых процента, да и то за счет бурных углей.

Но и работники тех отраслей промышленности, которые идут вперед, увидав в тексте Сообщения, как в зеркале, слабые стороны своей деятельности, затрудняясь дальнейшее продвижение вперед. Что же мешает? Внимательно вчитываясь в текст — и видишь, что отставание на том или ином участке производства происходит прежде всего от слабого внедрения новой техники, от неумения на полную мощь использовать высокопроизводительные механизмы, неумения вовремя поддерживать и распространять передовой опыт, укрепить дисциплину.

Мне, писателю, тесно связано с металлургией, хочется сказать несколько слов о Министерстве черной металлургии. Как сообщается, использование полезного объема доменных печей в первом полугодии 1955 года увеличилось против первого полугодия прошлого года на 5 процентов, а с тем стали с одного квадратного метра пола мартеновских печей увеличилось тоже на 5 процентов. Нет сомнения, что этот успех в значительной мере определило внедрение новых прогрессивных методов в технологию производства, таких, как увлажнение дутья в домах и кислородное дутье в мартеновских печах. Конечно, это еще далеко не все, что можно сделать для увеличения выплавки чугуна и стали, — многое, очень многое не использовало еще министерство из того драгоценного опыта, который накопил наш доменщик и мартеновец. Но новаторское, передовое пробивает себе дорогу — и это уже сказало. Однако в области проката металла трудно назвать какое-либо радикальное совершенствование технологии за последнее время. И не отразилось ли это на том, что по некоторым видам проката план не выполнен?

Сообщение ЦСУ отмечает значительные успехи в развитии нашей социалистической промышленности, сельского хозяйства, всех видов транспорта, энергетики, капитального строительства, внутренней и внешней торговли. Но важнейший итог, который очевиден из этого Сообщения, — значительный подъем нашей тяжелой промышленности. Жизнь снова подтвердила правильность генеральной линии нашей партии на преимущественное развитие тяжелой промышленности — основы основ социалистической экономики, повышения материального и культурного уровня жизни нашего народа.

И еще важнейший итог: пятилетний план выполнен досрочно за четыре года и четыре месяца, и, несомненно, до конца года наше народное хозяйство даст стране большое количество продукции сверх плана. Залог тому — широко развернувшаяся соревнование в честь предстоящего XX съезда КПСС.

Волнующие, окрыляющие всех советских людей итоги! Владимир ПОПОВ

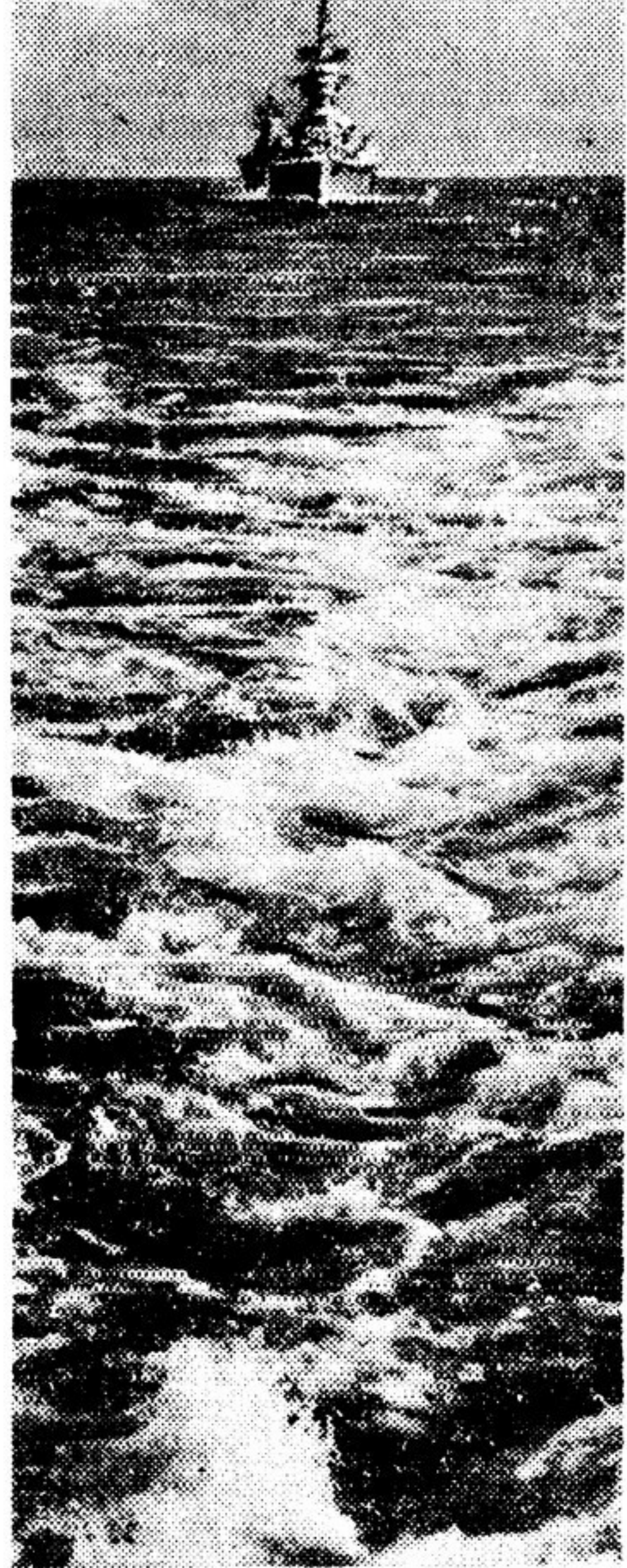
Волнующие, окрыляющие всех советских людей итоги! Владимир ПОПОВ

Завтра — День Военно-Морского Флота

Завтра советский народ и его Вооруженные Силы торжественно отмечают День Военно-Морского Флота СССР. Этот традиционный праздник стал ныне светлым днем нашего народа в деле укрепления морских рубежей Родины, проверки достижений работников судостроительной промышленности. Наш Военно-Морской Флот — носитель славных многовековых традиций народа-морехода. Доблестные подвиги русских моряков в исследовании морей и океанов, в открытии новых земель, в сражениях с агами нашей Отчизны — предмет гордости советских людей.

Что шумишь ты, Студеное море...

Что шумишь ты, Студеное море, И о чем ты поешь на ветру? Все равно ведем мы поперек, по штормов поперек, Мы покинем заливы поутру. Боевые дороги матросов Пролегли за чертой Кильдиль, Где не видно гранитных утесов, Где бескрайная морская волна. Хлещет яростно ветер в лицо нам, И холодная влага метет. Неспорно это море Студеное Называет наш русский народ.

В походе Флотской А. Межуева

СТАРЫЙ ДОТ

Парень с девушкой к доту приходят под вечер — Он стон над залпом, разрушенный тумор, Вдаль невидящим из дотом глядит амбразура. Может, кажется доту, восторженная рота, В рост идет на кинжалный огонь пулемета. В рост идет, бескомпромиссно надвигаясь низко... Все спокойно. Застыли кусты тамариски. В тамариске висят, надвываясь, чикады. Вдаль глядит амбразура невидящим взглядом.

Юлия ДРУНИНА

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 87 (3432)

Суббота, 23 июля 1955 г.

Цена 40 коп.

ЗА ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОЙ ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ!

Назревшие вопросы

В наши дни электричество нашло широкое применение в самых различных отраслях сельского хозяйства. И повсюду, где бы оно ни применялось в условиях крупных колхозных и совхозных хозяйств, производительность труда резко возрастает.

Приведем несколько примеров. В прошлом году совхоз имени Калинин на Кубани запоздал со строительством электрифицированных токов и вынужден был прибегнуть к ручному труду при обработке зерна, поступающего на тока от комбайнов. В течение 40 дней на очистке, сортировке зерна было занято 146 рабочих, им выплачено 85 тысяч рублей.

В соседнем же колхозе «За мир и труд» зерно обрабатывали на электрифицированных токах. На двух токах за 12 дней было собрано зерно столько же, сколько за 40 дней. При этом нужно отметить, что на токах было занято всего шесть человек. Автоматизация зерноочистительных токов позволила увеличить производительность труда в двадцать раз!

В подмосковном колхозе имени Молотова прежде коров поили вручную: воу на ферму из реки с утра до ночи доставляли 15 воловонов и 5 воловонов. Несколько лет назад колхоз оборудовал ферму автопоилками, что принесло хозяйству до тысячи трудодней и шестистот коне-дней экономии в год. Доярки заметили, что коровы пьют теперь в сутки не два и не три раза, а значительно больше. Удой от этого поднялся на 10—15 процентов.

Еще пример, свидетельствующий о большой экономической выгоде применения электричества. В совхозе «Петровское» Московской области две тысячи четыреста поросят были разбиты на две равные группы. Их кормили, поили, ухаживали за ними одинаково. Разница заключалась лишь в том, что полпоросят поросят в течение четырех месяцев периодически обучали «горным солнцем» — особыми кварцевыми лампами. После четырех месяцев поросат взвесили, и оказалось, что они прибавили в весе в общей сложности на одиннадцать тонн больше, чем те, которых не обучали. Обученные «горным солнцем» даю совхозу 100 тысяч рублей прибыли.

Партия и правительство уделяют большое внимание электрификации сельского хозяйства. Вместе со строительством крупнейших электростанций растет число колхозных и межколхозных электростанций. Решением правительства колхозам, совхозам и МТС разрешено подключаться к сети государственных районных станций, электроснабжающих социалистического сельского хозяйства из года в год растет. Уже в 1953 году сельское хозяйство потребило примерно два с половиной миллиарда киловатт-часов электроэнергии. На селе работает сейчас свыше трехсот тысяч электрических двигателей, экономящих десятки миллионов трудодней и заменяющих огромное количество лошадей.

При тех колоссальных возможностях, которыми мы располагаем, электричество уже теперь могло бы вытеснить тяжелый ручной труд во многих отраслях сельского хозяйства.

Что же тормозит сельскую электрификацию? Какие препоны стоят еще на ее пути? Остановимся на некоторых нерешенных вопросах и наиболее существенных недостатках в сельской электрификации.

Большой помехой в дальнейшем развитии электрификации сельского хозяйства является межведомственная неразбериха. В той или иной степени за сельскую электрификацию отвечают сейчас не менее десяти министерств. Среди них — министерства сельского хозяйства, совхозов, автотракторного и сельхозмашиностроения, городского и сельского строительства, электротехнической промышленности, высшего образования и т. д. При этом важно отметить, что, по существу, никто не объединяет усилия этих министерств на устранение нерешенных задач. Отсюда происходят всякого рода ненормальности.

Сельские электростанции сооружает Министерство городского и сельского строительства. Оно же прокладывает линии высоковольтных и низковольтных передач и монтирует силовые установки. Эксплуатация станций и установок должно заниматься «Сельэлектро» Министерства сельского хозяйства СССР. Помощь колхозам в механизации и электрификации трудоемких работ призваны оказывать МТС.

И получается довольно странная картина. Министерство городского и сельского строительства построило станции, подарило технику, представителю которой, несомненно, является электрический двигатель, монтируется, приспособляется к устаревшим типам сельскохозяйственных машин вручную, прадельскими способами. К тому же кустарные ремесленные и зубчатые передачи и промежуточные шкивы резко снижают эффективность применения электричества, ведут к частым авариям, простоям и поломкам.

Всем известно, что лучшими сельскохозяйственными машинами являются те, которые были бы смонтированы на одном валу с электрическим двигателем. Однако министерство до сих пор таких машин не дает. А когда конструкторы предлагают проекты нового типа машин, их постигает участь «мытарей». Так произошло с доцентом А. Гребенниковым, предложившим универсальную электрическую кормодобывающую для животноводческих ферм.

В этой машине рабочие органы электродвигателя и дробилки взаимно связаны, образуя одну компактную «электромашину» без всяких механических передач, даже без соединительной муфты. Гребенников не только сконструировал, но и построил сам в кустарных условиях образец такой машины, давшей при испытаниях отличные результаты. Но и сегодня эта машина, несмотря на очевидные ее преимущества, еще очень далека от серийного производства. А ведь с момента ее изобретения прошло уже более 17 лет. До войны она с успехом демонстрировалась на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. За это время можно было бы построить тысячи таких машин.

Следует напомнить, что по поводу «несогласованности» сельскохозяйственных машин и электрических двигателей были специальные, высокоавторитетные решения. Была образована комиссия из представителей трех министерств. С помощью ученых ряда институтов эта комиссия разработала ценные предложения для Министерства автотракторного и сельскохозяйственного машиностроения. Прошло три года, а «воз и ныне там». Предложение утончилось, очевидно, в потоке министерских бумаг.

До сих пор нет специальных конструкторских бюро для проектирования и разработки электрифицированных машин и

установок для сельского хозяйства. Нет их и при исследовании сельскохозяйственных институтов, занятых проблемами электрификации колхозов.

Свершился и в отношении некоторых руководителей товарищей и всего Министрства сельского хозяйства СССР к сельской электрификации. Если бы работники Министерства сельского хозяйства планомерно добивались от Госплана и промышленности производства оборудования, необходимого для сельской электрификации, повсеместно внедряли в колхозное производство передовой опыт и новейшие электростанции, разработанные учеными, то в подвояющем числе колхозов и совхозов страны, получающих ток, в полную силу работали бы теперь электродвигатели, электроподъемные агрегаты, электрифицированные кормокухни, молотильные токи, посевные прерыватели.

К сожалению, этого еще нет. И до сих пор многие колхозы, получая электричество, ограничиваются применением его лишь по одному-два электродвигателя. Мы уже не говорим о таких специальных видах применения электричества, как электромагнитные колебания. «Газэлектр» с трудом признало полезным обучение молодежи животных ультрафиолетовыми лучами, но упорно сопротивлялось включению в тематику исследований в области высоких и ультравысоких частот разработки способов борьбы с амбарными и полевыми вредителями и сушки овощей.

По данным «Сельэлектро», нагрузка сельских электрических станций составляет в среднем 50 процентов. Многие из них используются на 15—20 процентов, хотя их можно было бы полностью загружать электротепловыми приборами — подогревателями воды и электропарниками, но их нет, так как промышленность до сих пор их не освоила.

Колхозные механизаторы, электрики тратят много времени в поисках нужной электроаппаратуры и электроматериалов. На складах «Сельэлектро» почти никогда нет ни новейших осветительных ламп для освещения теплиц и птичников, ни электроподогревателей, ни электрифицированных насосов. Головные планы работ по электрификации отдельных производственных процессов в колхозах не обеспечиваются электроаппаратурой и машинами. Поэтому и сами планы из года в год не выполняются. Надо сказать, что для сельской электрификации нет специально оборудования, — для этой цели приходится использовать малоприспособное оборудование.

Быстрый рост электрических станций, все более расширяющийся фронт применения электричества в животноводстве и на полевых работах требуют большого количества высококвалифицированных специалистов: инженеров-электриков, техников-электриков и т. д.

С подготовкой этих кадров, особенно инженеров, также далеко не все благополучно. В настоящее время инженер-электриков готовят в различных областях страны двенадцать факультетов институтов механизации и электрификации сельского хозяйства. Ежегодно они выпускают примерно по 700—800 инженер-электриков. Это очень мало. Но вместо того, чтобы заботиться об этих факультетах, создавать им условия для работы, увеличивать их число, Министерство высшего образования СССР стремится закрыть отдельные факультеты, плохо обеспеченные преподавателями, помещениями, оборудованием и другими условиями.

Наконец, необходимо сказать и о слабой пропаганде передового опыта сельских электрификаторов. До сих пор у нас мало хороших книг о достижениях отдельных электрифицированных хозяйств, об успехах электрификации. Вообще книги о сельской электрификации, — будь то чисто технические или популярное, — на внешних полках библиотек и магазинов большая редкость.

Нам кажется, что в свете решений июльского Пленума ЦК КПСС настала пора соответствующим министерствам серьезно заняться сельской электрификацией.

«Огромная программа строительства тепловых и гидроэлектрических станций, выполняемая в нашей стране, — говорил Н. А. Булганин на июльском Пленуме ЦК КПСС, — поставила большие задачи перед электромашиностроением». От темпов роста электромашиностроения во многом зависит и дальнейший размах сельской электрификации, от нерешенных вопросов которой пишут сегодня в публикуемой нами статье академики М. Евреинов и В. Елагин.

Академики М. Евреинов, В. Елагин

С глубоким интересом, с большими надеждами, с волнением в сердце мы открываем наши газеты в эти дни. Этот интерес, эти надежды и это особенное человеческое волнение вызывает в нас высокая встреча Глав четырех правительств в Женеве. Она, эта встреча, со всеми ее речами и настроениями, находит живой отклик в каждом советском коллективе, доме, семье. И не могу себе представить человека моей Родины, который мог бы с равнодушием отнестись к Женевскому совещанию. Наши общие гражданские настроения пронизывают высокий прилив веры и завтрашний день, свободный от мрачных дум о войне, о военных приготовлениях, о назревающих конфликтах и очагах войны.

Этот прилив веры объясняется, может быть, духом и стилем первых заявлений Глав правительств и укрепляется нашим уважением к самим авторам этих заявлений. Безупречная вежливость и, более того, пристальное, благожелательное внимание к проектам и предложениям, вносимым партнерами по переговорам, выгодно отличают обстановку Женевского совещания. А добрая воля Советского Союза, выраженная в заявлениях тов. Булганина, — наша давняя, наша неизменная воля составляет лучший идеал жизни обыкновенного, живого, а не приуманного злой пропагандой советского человека.

Оптимизм и симпатии, о которых я говорю, естественно, рожают большие надежды. И у нас нет и никоим образом не может быть иных надежд, кроме широкого, радостного, свободного мироощущения, порождающего дружеские мирные чувства, которые всегда украшали советских людей.

Нам особенно дорого значительное, емкое и широкое понятие, заключенное в простом слове «доверие», ибо почти в каждой советской семье знают, как какими трагедиями приводит международное недоверие. Вот почему так горячо желают успеха в каждой нашей семье Женевскому совещанию Глав четырех правительств. Мне, как литератору, в течение этого года пришлось много поработать над темами и сюжетами, вынесенными из двух посольств на земле Казахстана, где тысячи юношей и девушек, из которых можно составить сильную современную армию, пашут и делают культурными земли, именуемые целинными.

Какая поэзия человеческого труда, воспевающего сердце! Каково высокое свидетельство мирных целустремлений нашего народа!

Что я видел на громадных полях целины? Это война, упорная, героическая, тяжелая война с природой... Никто не поужадал, никто не «мобилизовал» этих юношей бросить родные места и ехать в эти, пока еще глухие края... Явившись туда, они не нашли на бескрайних пространствах мелевых рек. Первый год был трудным, второй не будет легче. Но какой же пафос движет ими, когда с невнятным азартом в глухой степи создаются культурные оазисы? Это — новая, но уже сделавшаяся исконной черта народного характера, выработавшаяся за годы Советской власти, которая труду сообщает благородные и большие цели. Пусть какой-нибудь подросток, еще не успевший вступить в комсомол и приехавший сюда за пять тысяч километров, не умеет разбираться в полноводной патетике своего поступка, но всем людям истории советского общества, могущим влиять на партию, всеми нашими обычаями, традициями, учебной литературой он нацелен на подвиг преобразования жизни в своей стране.

И этот подросток, таким образом воспитанный и действительно преобразовывающий свою землю, имеет все права на доверие (на международное доверие!) к себе, к своему обществу, стране.

Из песни слова не выкинешь. Будем открыты: такого вот подростка и меня, когда я ездил из совхоза в совхоз по Казахстану, и миллионы нам подобных людей, занятых своим нелегким трудом, очень часто до боли, до гнева оскорбляло проявление по отношению к нам некоторыми западными кругами недоверия, к тому же выраженное порой в грубой форме бездарной клеветы.

Нельзя без риска впасть в наивность, представить себе, что зра доверия, лояльности и дружественности будет какой-то сплошной идиллией. Без критики, повидимому, не обойтись, но критика и несогласие во взглядах не есть повод к вражде. Грубым словесным оскорблением я в ряд других, хорошо известных нежелательных вещей, охватываемых термином «холодная война». Если говорить о более узком и ясном для меня участке — об искусстве, то мне хотелось бы отметить следующее: думается, что и для Соединенных Штатов Америки и для европейских стран было бы бесконечно благотворным и полезным широкое, лишнее предубеждения общение и соревнование с Советским Союзом в области искусства. Печально-знаменитый инцидент с советским самолетом в Париже, повидимому, придал горькие разочарования как французам, так и нам и оставил темный, какой-то средневековый след в культурной жизни Европы.

Мне кажется, я не ошибусь, если стану утверждать, что за культурным общением между народами следует неизбежный (и столь необходимый) процесс дружественного сближения.

Наш оптимизм зиждется на нашей вере к миру. И эта вера так глубока, что умный и честный сторонний наблюдатель увидит в ее во всех больших областях и малых ячейках жизни Советской страны.

Пусть заснежит усталым от тревог сердца людей зря широкое доверие! Пусть оно из дипломатических речей перейдет в жизнь стран! Она богата прекрасным будущим, эта благородная человеческая идея — доверие.

Николай ПОГОДИН

Праздник народной Польши

В новой Польше сложилась прекрасная традиция: с ежегодному празднику — Дню возрождения — приурочивается какое-нибудь большое событие. Так, к десятилетию народной Польши в семье восстановленных городов вошел Лодзин.

Вчера зоры всей Польши были обращены в Варшаве, над которой гордо вознесся белокаменный Дворец культуры и науки. Великолепный дар получил народная Польша от Советского Союза. И счастлива та, что была у подножья дворца в минуты его торжественного открытия!

У главного входа во дворец собрались строители, гости, руководители Польской Народной Республики и Польской объединенной рабочей партии, Правительственная делегация Советского Союза во главе с товарищем М. А. Суловым, делегация Китайской Народной Республики и других стран демократического лагеря.

Сколько радостных встреч состоялось здесь в этот день открытия дворца. Вот знаменитый мраморщик, польский строитель Сильвестр Качмарек. Все всегда его бывала прислана каменной пылью, даже ресницы припорошила мраморная пыль. Вот советский верхолаз Николай Козаев. Про него говорили, что он меньше ходит по земле, чем лазает по стальным конструкциям. Вот польский камешник Анжей Чотуха. Он начинал восстанавливать роковую Варшаву, помогая советским саперам наводить мост через Вислу.

Председатель Совета Министров Польши Ю. Циранкевич принимает Дворец культуры и науки, а Чрезвычайный и Полномочный посол СССР в Польше П. К. Пономаренко от имени Советского правительства передает его в вечный дар дружественному народу. П. К. Пономаренко вручает ключ от дворца Ю. Циранкевичу. Восторженными овациями тысяч людей бьется приливом у подножья величественного сооружения.

Вечером, в канун праздника, великолепный зал конгрессов Дворца культуры и науки принял первых гостей. Здесь состоялось торжественное заседание, посвященное Дню возрождения Польши.

Сегодня на площади имени Сталина перед дворцом состоялся военный парад. Более ста тысяч зрителей заполнили трибуны вокруг.

Разыгрались торжественные фанфары. Над площадью поднялись звуки национального гимна, в вальсующем небе грохотал артиллерийский гром торжественного салюта.

Идет легендарная дивизия имени Тадеуша Костюшко. Идут слушатели военной академии, идут будущие офицеры, пограничники, моряки, кадеты из училища имени К. Свержевского. Двигаются мотоциклисты, пулеметчики, едут десантники с парашютами за спиной, движутся танки Войска Польского.

А в голубом небе, обгоняя звук, проносится реактивные самолеты. Они мчатся, точно держа равнение, строго придерживаясь своих правил небесного движения.

Вслед за военным парадом праздничным полуднем разлетаются шестые молодцы. Юноши и девушки в национальных костюмах двигались мимо трибуны в хоровах и танцах. И тогда брусчатка сплелась танцевальной эстрадой. Шли фанфары, танцевали и спортсмены, шли трулящиеся славной Варшавы.

Народ Польши торжественно отпраздновал День возрождения. Это была подлинная демонстрация решимости миллионов поляков отстоять всеобщий мир. Вот почему с такой надеждой горько-полюський народ вынимает сегодня вестям из Женевы. Горько, всем сердцем желает он успеха Совещанию Глав правительств четырех держав.

Евгений ВОРОБЬЕВ, специальный корреспондент «Литературной газеты» ВАРШАВА, 22 июля. (По телефону)

Л и к у е т П р и б а л т и к а

Несколько дней продолжались в прибалтийских советских республиках народные праздники в честь 15-летия установления советской власти в Литве, Латвии и Эстонии. К этим дням были приурочены торжественные заседания, пуск различных новостроек и праздники пестри.

В Риге сдана в эксплуатацию первая очередь гидроэлектростанции, в Даугавпилсе — городская электростанция, на реке Весите — межколхозная гидроэлектростанция. Многие предприятия трех республик перевыполнили свои планы, дали немалое количество продукции сверх программы.

Города и села республик оделись в яркий, праздничный наряд. В столицах съехались десятки тысяч людей, и в их числе гости из братских республик. В Риге на празднике присутствовала делегация японских женщин, участвовавшая во Всемирном конгрессе матерей в Лозанне, в Таллине — делегация финского города Котка во главе с его бургомистром Гном Лингеном.

Праздники пестри приделки невиданное количество участников. Бесконечной лентой тянулись через Таллин и вдоль берега моря колонны одетых в национальные костюмы певцов, танцоров, музыкантов — их было около сорока тысяч человек! В Риге громадную эстраду Межапарка заняли пятнадцать тысяч певцов. В Вильнюсе для выступления тридцати тысяч певцов, танцоров и музыкантов потребовалось два дня; они, как говорится, до краев заполнили чашу стадиона «Спартак».

День праздника был объявлен нерабочим. Это дало возможность десяткам тысяч людей присутствовать на выступлениях певцов, а также в гуляньях на улицах и площадях.

Во время празднеств в Риге возникло неосторожное строение грандиозных трибун Межапарка. Сначала участники хора, а затем и зрители стали скандировать: «Стройте трибуны! Стройте трибуны!» На эстраду вышли инженеры и рабочие, которых засыпали цветами.

В литовском городе Зарасе в день праздника был торжественно открыт памятник отважной комсомолке. Герою Советского Союза Марите Мельникайте

День праздника был объявлен нерабочим. Это дало возможность десяткам тысяч людей присутствовать на выступлениях певцов, а также в гуляньях на улицах и площадях.

Во время празднеств в Риге возникло неосторожное строение грандиозных трибун Межапарка. Сначала участники хора, а затем и зрители стали скандировать: «Стройте трибуны! Стройте трибуны!» На эстраду вышли инженеры и рабочие, которых засыпали цветами.

В литовском городе Зарасе в день праздника был торжественно открыт памятник отважной комсомолке. Герою Советского Союза Марите Мельникайте

Академики М. Евреинов, В. Елагин

ЖИВЫЕ ГОЛОСА

ЧЕМ больше река принимает ручьев в потоков, тем могущественнее ее ход и разлив. Применительно к литературе это означает, что чем больше писателей ее создают, тем она разнообразнее, чем больше имен значится в ее истории, тем полноводнее ее движение.

Разумеется, не все художники равных масштабов. Творчество одного создает в литературе целую эпоху, есть и писатели—спутники литературных величин, но все равно, не все одинаково. Но высказательный и сочувственный Чехов всегда возмущался, когда писателей делили на больших и малых, не желая признавать за собой превосходства над другими литераторами; может быть, менее заучившими в ту пору. М. Горький, обращаясь к истории русской литературы, не только выискивал незаслуженно забытые имена, но и немалодоступно указывал, чтобы эти, спитавшиеся иногда несправедливо второстепенными, художники заняли свое место в литературе, чтобы книги их были переизданы. В огромном хозяйстве нашей социалистической культуры мы должны пользоваться всем лучшим наследием русской литературы; тем более с особым вниманием должны мы относиться к писателям-современникам, начинавшим советскую литературу, и к тем, кто впоследствии в меру своих сил и таланта поработал в ней.

Почему же получается, однако, что в ряде случаев мы как бы оказываемся людьми борющейся памяти? Почему из обихода исчезают книги некоторых переводов хороших писателей прошлого, и их туго и как-то неплавно находят издательские организации? Почему в наши дни, будучи организатором издательства «Всемирная литература», Горький побуждал ученых и литературоведов создать каталог книг, которые следуют издать; каталог этот, заявивший два тома, включал имена писателей всех стран от Запада до Востока, до Латинской Америки и чуть ли не до Океании, свидетельствуя об огромном уважении Горького к литературе других народов.

Мы издаем превосходные собрания сочинений наших классиков. В большинстве случаев (конечно, бывали и отдельные ошибки) это первые действительно полные собрания сочинений, со сверкой авторского текста, с комментариями и примечаниями, позволяющими познать всю полноту творческой жизни писателя. Достаточно вспомнить 90-томное собрание сочинений Льва Толстого или полнотные издания Гослитиздата. Но наряду с этим ряд достойных писателей прошлого у нас неслучайно забыт, книг их не найдешь, имен их наш молодой читатель не знает, их имен в ряде случаев не знают даже студенты Литературного института. Конечно, нельзя включать в учебную программу программы изучение творчества второго плана. Но исключить их вовсе из обихода — это значит обеднить нашу литературу, уменьшить ее масштабы, и в этом повинны не столько издательства, сколько наше литературоведение.

Можно сказать, что если сияние имени Пушкина осветило целую плеяду пушкинских современников, и даже имена скромных поэтов пушкинской поры известны нашим читателям, то шестидесятые, семидесятые годы — вплоть до конца прошлого века — представлены, по существу, только несколькими десятками писательских имен, а многие другие прозаики и поэты забыты, словно ушли в небытие, хотя они создавали русскую литературу, работали в ней много и трудоблженно и в свое время привлекали к себе сочувствие и внимание передовых кругов общества.

Слов нет, идут годы, меняются эпохи, выцветают и блекнут некоторые имена, когда-то волновавшие читателей, напротив, те, кого мало знали и мало ценили при жизни, становятся классиками, приобретают тысячи новых читателей, как это произошло, например, с Маминими-Сибиряком. Но есть в литературе то, что не уходит в прошлое, ее непреходящие ценности, ее основа, без которой не было бы и самого здания. Почему у нас мало издают-

ся, и иногда и совсем не издаются такие отличные и притом переводные для своего времени писатели, как Решетников или Слепцов, Николай Успенский или Бунинский? Из всей этой плеяды больше повезло Ленинову и Помяловскому, но право, «Николай Некрасов» Бунинского — хорошая книга, по маленьким рассказам того же Бунинского, Слепцова или Николая Успенского можно воссоздать целую эпоху, а к примеру, «Очерки фабричной жизни» Голицынского были одной из настоящих книг русских революционеров.

Есть отличные отдельные вещи у Терпигорова (Сергей Атавы), Баронина, Засодимского, Мачета, — все это достойные писатели, и не только с точки зрения прошлого, но и в свете сегодняшних наших требований к литературе. Конечно, Баронин был народником, но он ярко описывал закат патриархального крестьянства, появление кулачества, и в критических статьях, которые должны предвещать произведение, скажем, Баронина, да и других писателей, нужно только рассказать читателю о сильных и слабых сторонах их мировоззрения, о их значении, о их мастерстве.

Культурнейший поэт Валерий Брюсов выступил под общей редакцией стихотворения забытой поэтезис прошлого века Баронина Павловой, Александр Блок редактировал стихотворения Аполлоны Григорьевы, именно потому, что в огромном потоке русской поэзии свою роль сыграли и боевые ручьи.

Белинский высоко ценил стихи Н. Крылова, но разве что у библиофила найдешь реальный сборник его стихов. Нет в продаже и сатирических стихов Шумихера, как не найти и стихов стихотворца поэта-демократа (Музеумского И. Федорова). Это — не перечисление забытых имен, которых при некотором знании литературы можно привести десятки. Это перечисление имен писателей, которых, без сомнения, с интересом читал бы наш новый читатель, удивляясь тому, что ничего не знал о них прежде. Не помнится, чтобы переиздавался и П. Я. Мельник, а ведь он написал не одно стихотворение, волновавшее передовую молодежь.

Имя Чехова осветило ряд писателей, работавших с ним в одно время, но грустно признавать, что имена многих мы знаем только из писем Чехова, трогательных тем, что для Чехова не существовало маленьких литераторов, он верил в просветительную роль и тех писателей, которым не суждено было занять первые места в литературе, и во взаимодействие больших и малых величин. Если не отдадим им должное, то хотя бы сборником прозы писателей чеховской поры следовало бы напомнить о существовании ряда подзабытых писателей, современников Чехова, чьи произведения Чехов не раз искренно хвалил. Часто упоминает в своих письмах Чехов поэта Л. Пальмина, тоже незаслуженно забытого ныне. Недавно отмечалось 100-летие со дня рождения В. Гиляровского, но его столь любимая читателями книга «Москва и москвичи» даже по случаю юбилея не переиздана.

Мы хорошо знаем сборники издательства «Знание», которые с великой любовью к литературе и трудолюбивым редактором М. Горьким. Сколько отличных, найденных и выцветавших Горьким авторов печатались в этих сборниках, и с грустью видишь, сколь многие из них забыты в такой степени, как будто их никогда и не существовало. Как будто не было никогда талантливых писателей (Скитальца, Иванова-Вольнова, А. Кипена, С. Елпатьевского, С. Найденкова, хотя его повесть «Дети Ватюшина» до сих пор не сходит со стелы. Неужели о ряде писателей наш читатель мо-

жет узнать только из писем Горького, из материалов его архива? Мы не найдем в продаже также ни «Чужестранных рассказов» или «Колымских рассказов» В. Г. Тана, ни хорошей детской повести А. Свирицкого «Рыжик», ни некоторых рассказов Н. Иванова, отмеченных в свое время Горьким. Что же все это — насклада перевернутые страницы, ограниченный круг читателей? Это в нашей-то русской, неизмеримо богатой, обогащенной миром литературе?

Леонид Андреев написал множество мистических драм, плохих и бесцельно изобретенных, но он написал и такие рассказы, как «Ангелочек», «Жиды-были», «Большой шлем», «Барометр и Гареска», «Большой шлем», которые по-прежнему стоят в ряду лучших произведений русской литературы. Мы обещанное издаем даже Куприна — в независимый трехтомник не включая ряд его превосходных рассказов, в том числе «Корь», «Река жизни». Штабе-капитан Рыжиков».

Если обратиться даже к нашей советской литературе, то увидишь, сколько писателей, много и плодотворно поработавших в ней, незаслуженно отозваны в сторону. Мы культивируем маленький рассказ и печальничка, что этим трудным жанром владеет далеко не все писатели, но рассказы Н. Огнена, П. Шарьева (автора хороших книг «Циклута» и «Взвук Тальонии») у нас не издаются, как не издаются и заслуживающие доброго внимания рассказы С. Семенова, А. Чапыгина, некоторые неплохие сатирические рассказы Е. Зозули, некоторые повести П. Евдокимова.

Дело не в том, чтобы перечислять имена. Можно при этом и кого-нибудь незаслуженно забыть или неправомочно упомянуть. Речь идет о большом литературном движении, которое нельзя приуменьшать, о совокупности имен писателей — и больших, и малых, речь идет о том, что все, способствующее богатству нашей литературы, должно быть и в нашем обиходе. Само собой разумеется, речь идет не об отдельном издании книги, а об издании, критически осмысленном и критически ставящем все на свои места. Наша советская литература — это наша гордость, это памятник нашей эпохи. По литературе будут изучать величие дел советского человека — с первого дня, когда вышел он на свою трудовую и прекрасную дорогу. Все закономерно изменяется в движении, изменяется и литература. Приходят новые темы, возникают новые задачи, появляются новые авторы. Но это люди не без роду и племени. Их отчий дом обширен и роща в нем не пересчитана. Чем шире круг семьи, тем богаче и человек. — Это истина. У входа в Центральный дом литераторов на мемориальной доске начертаны имена писателей, погибших в Великую Отечественную войну. Читая эти дорогие и благородные имена, не один из нас задумывался над тем, все ли мы сделали для памяти этих писателей? Память о писателе — его книга. Но где превосходная книга А. Роккина «Антоша Чехонте»? Где книги добрых наших друзей Б. Ланина и З. Хадземиды, этих чудесных путешественников и изыскателей в горы, когда возмозда свои первые знания молодой Советская страна? Где рассказы и очерки Евгения Петрова (и почему, кстати, «Записные книжки» И. Ильфа стали библиографической редкостью, а ведь Государственный архив литературы и искусства владеет рядом неопубликованных записей Ильфа)? Надо сохранить и довести до нашего читателя все лучшее, что сделано в нашей литературе, сохранить имена ушедших товарищей не только в скорбном списке, но и в живом их действии. Мы гордимся тем, что живем в то время, когда не затираются таланты, когда ничто талантливое и жизнедеятельное не может быть в обиходе социалистической нашей культуры отброшено или отодвинуто в сторону. У нас не может быть и не должно быть незаслуженно забытых писателей, в какую бы пору они жили, если писатели эти были передовыми деятелями, хорошими, хотя и скромными, художниками и верными сынами своего народа.

В результате при чтении некоторых рецензий невольно вспоминаются язвительные Козьмы Прутковы:

«Рассуждай только о том, о чем понятия твои тебе сие дозволяет. Так: не зная законов языка ирокезского, можешь ли ты делать такое суждение по сему предмету, которое не было бы неосновательно и глупо?»

Правда, не всегда распыляться и даже в чем-то ошибочная оценка рукописи объясняется только недостаточной компетентностью рецензента или желанием уклониться от ответственного высказывания. Встречаешь — и об этом мы говорили выше — в многообразном литературном потоке и по-настоящему спорные произведения.

Однако ведь ли можно признать закономерным, что иногда борьба вокруг интересной, но спорной рукописи ведется посплунно, без всякого общественного контроля, и длится годами, втягивая в свою орбиту все новых и новых воителей.

Думается, что в каждом случае, когда наносится угроза множественному и затяжному рецензированию, а симптомами этого литзаболевания обнаруживаются нетрудовые, может оказаться действительная мера, которая в судопроизводстве называется «очной ставкой». Практика показала, что во всех случаях главный развернутый обмен мнениями помогал как разоспешившимся в оценке рецензентам, так и автору полнее разобраться в достоинствах и недостатках произведения, а редакции — принять конкретное решение по рукописи.

А в отдельных, имеющих принципиальное значение случаях следовало бы провести обсуждение спорной рукописи на заседании (пусть немногочисленном) одной из творческих секций Союза писателей. Само собой разумеется, что каждое такое обсуждение требует кропотливой подготовки, но тут, как говорится, «игра стоит свеч».

Рецензирование и обсуждение рукописей — это, может быть, самый ответственный раздел работы издательства, а действительная помощь и активное участие в этой работе — кроветвое дело всех творческих лабораторий Союза писателей и каждого писателя в отдельности.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

РУКОЮ ОПЫТНОГО ХУДОЖНИКА

В литовской советской литературе стало бы сомнительно большой опыт многих видных писателей старшего поколения, чей творческий путь начался до памятного года, начавшись с 70-х годов прошлого столетия. Тогда этот край стал пожелать колонизаторским слогом кайзеровской Германии. После первой мировой войны в Клайпедском хитицизм хитицизма империализма Антанты. Затем — годы господства литовских буржуазных националистов. Действие заканчивается 1933 годом, когда в Клайпеду протянули свою жадную, обгоревшую руку гитлеровцы, которым помогали местные профашистские буржуазные круги. Е. Симонайтис стремится показать роль революционных настроений под влиянием Октябрьской революции в России, сопротивление народа буржуазно-националистическому режиму, мужественную борьбу Коммунистической партии.

На фоне этих событий разворачивается жизнь главной героини романа — Буше Лиячюрнисе. Буше вышла из семьи полуразорившихся середняков. Вышла замуж за зажиточного крестьянина, Буше, скупая и жадная, с беспощадной жестокостью начинает расширять свое хозяйство: аккупатирует батраков, дунит в долговой кабале и спонит с земли соседней бедняков. Вслед за ростом имущества растут и претензии Буше, ее самонадеянность и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки.

Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки.

Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки.

Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки.

Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки.

Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки.

Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки.

Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки.

Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки.

Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки.

Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки.

Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки.

Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки.

Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки.

Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки.

Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

РУКОЮ ОПЫТНОГО ХУДОЖНИКА

В литовской советской литературе стало бы сомнительно большой опыт многих видных писателей старшего поколения, чей творческий путь начался до памятного года, начавшись с 70-х годов прошлого столетия. Тогда этот край стал пожелать колонизаторским слогом кайзеровской Германии. После первой мировой войны в Клайпедском хитицизм хитицизма империализма Антанты. Затем — годы господства литовских буржуазных националистов. Действие заканчивается 1933 годом, когда в Клайпеду протянули свою жадную, обгоревшую руку гитлеровцы, которым помогали местные профашистские буржуазные круги. Е. Симонайтис стремится показать роль революционных настроений под влиянием Октябрьской революции в России, сопротивление народа буржуазно-националистическому режиму, мужественную борьбу Коммунистической партии.

На фоне этих событий разворачивается жизнь главной героини романа — Буше Лиячюрнисе. Буше вышла из семьи полуразорившихся середняков. Вышла замуж за зажиточного крестьянина, Буше, скупая и жадная, с беспощадной жестокостью начинает расширять свое хозяйство: аккупатирует батраков, дунит в долговой кабале и спонит с земли соседней бедняков. Вслед за ростом имущества растут и претензии Буше, ее самонадеянность и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки.

Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки.

Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки.

Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки.

Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки.

Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки.

Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки.

Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки.

Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки.

Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки.

Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки.

Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки.

Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки.

Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки.

Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки.

Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

РУКОЮ ОПЫТНОГО ХУДОЖНИКА

В литовской советской литературе стало бы сомнительно большой опыт многих видных писателей старшего поколения, чей творческий путь начался до памятного года, начавшись с 70-х годов прошлого столетия. Тогда этот край стал пожелать колонизаторским слогом кайзеровской Германии. После первой мировой войны в Клайпедском хитицизм хитицизма империализма Антанты. Затем — годы господства литовских буржуазных националистов. Действие заканчивается 1933 годом, когда в Клайпеду протянули свою жадную, обгоревшую руку гитлеровцы, которым помогали местные профашистские буржуазные круги. Е. Симонайтис стремится показать роль революционных настроений под влиянием Октябрьской революции в России, сопротивление народа буржуазно-националистическому режиму, мужественную борьбу Коммунистической партии.

На фоне этих событий разворачивается жизнь главной героини романа — Буше Лиячюрнисе. Буше вышла из семьи полуразорившихся середняков. Вышла замуж за зажиточного крестьянина, Буше, скупая и жадная, с беспощадной жестокостью начинает расширять свое хозяйство: аккупатирует батраков, дунит в долговой кабале и спонит с земли соседней бедняков. Вслед за ростом имущества растут и претензии Буше, ее самонадеянность и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки.

Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки.

Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки.

Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки.

Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки.

Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки.

Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки.

Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки.

Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки.

Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки.

Буше уже чувствует себя жадную, выскочку и отравительность, как у всякой выскочки. Буше уже чувствует себя ж

